

Человека невозможно удивить со времен Тутанхамона

... Он поет ей о своей любви. "Такие чувства достойны пера Данте", — утверждают его друзья. Но возлюбленная напоминает: "Не забывай, ты — птица, а я — человек". Есть ли границы у любви? Можно ли, рискуя собственной жизнью и свободой, помогать другим? Этот маленький мир любви, грусти и надежды — мир театра марионеток Резо ГАБРИАДЗЕ. Сценарист фильмов "Кин-дза-дза", "Мимино" и многих других, художник, скульптор, литератор, Резо Габриадзе хорошо известен и как замечательный постановщик кукольных спектаклей. Автор "Сталинградской битвы" и "Песни о Волге" привез в Лозанну одну из самых трогательных своих постановок — "Осень нашей весны". Таких овец стены театра Види не помнят со времен постановок Брука.

— Как родился замысел спектакля "Осень нашей весны"? Кто они, ваши персонажи?

— Для меня мои персонажи многое значат... Я дал им фамилии своих родственников, друзей, знакомых. Когда спектакль идет в моем родном Кутаиси, все улыбаются: это начальник милиции, а это просто друг... Они все у меня положительные...

Для моего слуха, для моего сердца — это просто отзвук тех времен. Давно он уже не начальник милиции, давно его уже нет на этом свете; все они ушли...

А замысел... Я отношусь к тем счастливым людям, которым досталась бабушкина ласка. Так что это песня о бабушке. Это — воспоминание о моем городе: послевоенные годы, опустевший, обнищавший Кутаиси. То же самое было, наверно, и в Нижнем Новгороде, и в Самаре, и в других городах: голод, холод, керосинка. И необычайное благородство людей. Было желание жить, любить — то, что, на мой взгляд, отличает наши трудные времена от тех трудных времен. Ведь не хлебом единым... А тогда были в людях, что ли, "соки жизни", которые не давали им "засохнуть", но помогали жить. И радоваться жизни. В наше ответственное время я стараюсь как-то сердцем поговорить со зрителем. Не удивить, нет — человека невозможно удивить еще со времен Тутанхамона... Я хочу донести до нынешних молодых людей — вот такими были ваши дедушки, бабушки. И если это вас тронуло — значит моя задача выполнена.

— И все-таки почему именно театр марионеток, ведь принято считать, что марионетки — скорее для детей, чем для взрослых...

— Ну тогда можно сказать, что и кино для детей, и книги тоже для детей, и хлеб для детей... Мы работаем с серьезными проблемами нравственными, художественными. Наши спектакли — для любого возраста, каждый может найти в них что-то для себя. Почему марионетки? Это серьезный вопрос. Я долго работал в кино, в обычном театре. Учтивывая постсоветское состояние, надо быть очень молодым, здоровым, с "крепкими зубами", чтобы работать в нынешнем кино. А с марионетками сравнительно легко. Сравнительно. Хотя в художественном смысле мне легче снять два фильма, чем сделать один спектакль. Это очень кропотливая и неблагодарная работа.

— Как складываются сегодня ваши отношения с кинематографом?

— Для кино нужно здоровье, время убегает. Пользуясь советской терминологией, тут уже не год за два идет, а год за десять. Сейчас трудно снимать кино, так как кино — это не тот, кто снимает, или тот, кто пишет. Это огромный коллектив. Операторы третьего плана, костюмеры... Есть такие профессии, которых мы даже еще и не знаем. Но радуется то, что Москва зашевелилась. Значит есть выход из постсоветских времен. Раз они нашли эту дверь, то и мы в нее пролезем (смеется).

— Круг ваших интересов крайне широк: вы добились успеха и как художник, и как сценарист, и график, и скульптор. И все-таки что для вас главное?

— Я очень люблю скульптуру, которой занимаюсь с 12 лет. Но главное, наверно, все-таки живопись. И литература. Русская литература — это целый океан. Там я плавал и был счастлив. И до сих пор она сопровождает меня, и я ей благодарен. И тот солнечный Гоголь — "Вечера на хуторе близ Диканьки", "Старосветские помещики"... Очарован до сих пор Чеховым.

— Но начинали вы как журналист...

— Да, и за многое приходится краснеть сейчас. Я был резким журналистом. Если бы можно было вернуться назад, я бы сделал все мягче. Но, что сделано — то сделано. И остается только извиняться. Кстати, я очень интересуюсь современной журналистикой. Сейчас она стала более динамичная, агрессивная. Но все придет в норму. Она должна стать информационным благом, которое обязательно служить обществу, нашим детям.

— Был ли в вашей жизни человек или событие, оказавшие на вас сильное влияние?

— Очень много. Во-первых, трофейные фильмы. Я так благодарен, что они были в моей жизни!.. Потом — Кутаисский театр, тогда очень

сильный. В нем была какая-то пульсация, как стук сердца. В Кутаиси жил великий режиссер Васо Кушаташвили, которому было запрещено находиться в первой категории городов. Он долгое время работал в Париже и оттуда привез этот "шарм" спектаклей. Актеры были очень талантливые, а он научил их легкости. Сейчас, бродя по миру, я все больше и больше убеждаюсь в том, что он был великим режиссером. Позднее на меня оказал огромное влияние Питер Брук — общение с ним просто открыло мне театр.

— Какую цель вы преследуете как художник?

— У художника много целей. Одни показывают мастерство. Я, например, очень люблю авангард. Потому что в нем ощущается биение мысли; авангардисты открывают новые горизонты, показывают быстроту решения вопроса. Для творческого человека это особенно важно. Я не принимаю только одну цель — разжигать ненависть между людьми. Художник не имеет права этим заниматься, иначе он покидает свое поле. В русской классике очень сильно жизнеутверждающее начало даже в самых мрачных моментах. В этом — величие русской литературы. И литературы вообще.

— Но вернемся к театру: как вы пришли к "Сталинградской битве", самому пронзительному и самому известному из ваших спектаклей?

— Каждый раз, разговаривая с корреспондентами, я придумываю новую версию. Или все они — неправда, или все они — правда. Мне трудно сказать сейчас. Просто я был в Москве: шел невеселый год, 94-й, помните? Я чувствовал, что надо сделать что-то, что тронуло бы сердце русского человека. И решил поставить "Сталинградскую битву". Но потом она тронула все сердца. Ведь сострадание сродни всем.

— Вы объездили с театром множество стран: различается ли реакция зрителей?

— Везде встречают абсолютно одинаково — хорошо. Зритель включается с пол-оборота. На "Сталинградскую битву" люди плачут... Очень запомнились выступления в Германии, в Москве. Мы всегда ощущаем радость от встречи со зрите-

лем. Люди — это люди. Законы золотого сечения, десять заповедей — они везде одинаковы: что у меня в Кутаиси, что в Лозанне. Наша цель как раз в том, чтобы быть понятными. Зритель пришел в театр, и цель художника — его заинтересовать. Зритель требует огромного уважения.

— Каковы планы театра на будущее?

— Впереди у нас гастроли: Европа, Канада, участие в Берлинском фестивале. Хотелось бы навестить и Москву. Зимой я разговаривал с Олегом Павловичем Табаковым, которого очень люблю и восхищаюсь им как актером и как человеком. Возможно, с его помощью что-нибудь получится в Москве: Олег Павлович опекает меня как брата, и это, конечно, забываемо.

Я очень многим людям благодарен в Москве, Никите Михалкову, который так радостно, так элегантно, так красиво помог нашему театру с аппаратурой. К сожалению, многих уже нет с нами... Незабвенный Зяма Гердт... Что касается лично моих планов: я сейчас думаю о керамике. Это по-настоящему меня увлекает. Не надо много ходить (улыбается). Сейчас в Москве открывается маленький ресторанчик, в котором меня пригласили сделать интерьер. И я вместе с сыном над этим работаю: мы делаем изразцы на тему "Путешествие Пушкина в Бахчисарай". Эти маленькие плитки — как кадры фильма. Можно сказать, второе кино. Буду сидеть у себя в мастерской, вспоминать свою жизнь и делать изразцы... Кроме того, я работаю над биографией мадам Голифе...

— Есть ли новые проекты постановок?

— Предложений очень много. Но надо очень хорошо подумать, прежде чем что-то совершать. Бросаться к штанге? А вдруг ее не поднимешь? Не хочется никого подводить. Как театральному художнику мне тоже поступает много предложений, и тут я соглашаюсь быстрее — это одно из моих любимых занятий.

Беседу вела
Моника СТАРУШ

Лозанна
Фото Андрея СТЕПАНОВА